

Эразм Роттердамский

# Похвала глупости



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.113-3  
ББК 84(4Нид)-44  
Э74

**Эразм Роттердамский.**  
Э74 Похвала глупости / Эразм Роттердамский;  
пер. с лат. П. К. Губера. — Москва : Издательство  
АСТ, 2017. — 320 с. : ил. — (Вся мудрость мира).

ISBN 978-5-17-102788-9

Эразм Роттердамский — нидерландский ученый, писатель, первый издатель Нового Завета на греческом языке. «Похвала глупости», также «Похвальное слово Глупости» (лат. *Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus*) написана в 1509 г. в доме Томаса Мора, фамилию которого сатирик и обыграл в названии сочинения. В первый раз сочинение было издано в 1511 г. Со времени появления печатного станка это был первый случай поистине колоссального успеха печатного произведения. И вот уже более 500 лет тысячи образованных людей продолжают зачитываться этой гениальной шуткой остроумнейшего из ученых северного Возрождения!

УДК 821.113-3  
ББК 84(4Нид)-44

© ООО «Издательство АСТ», 2017

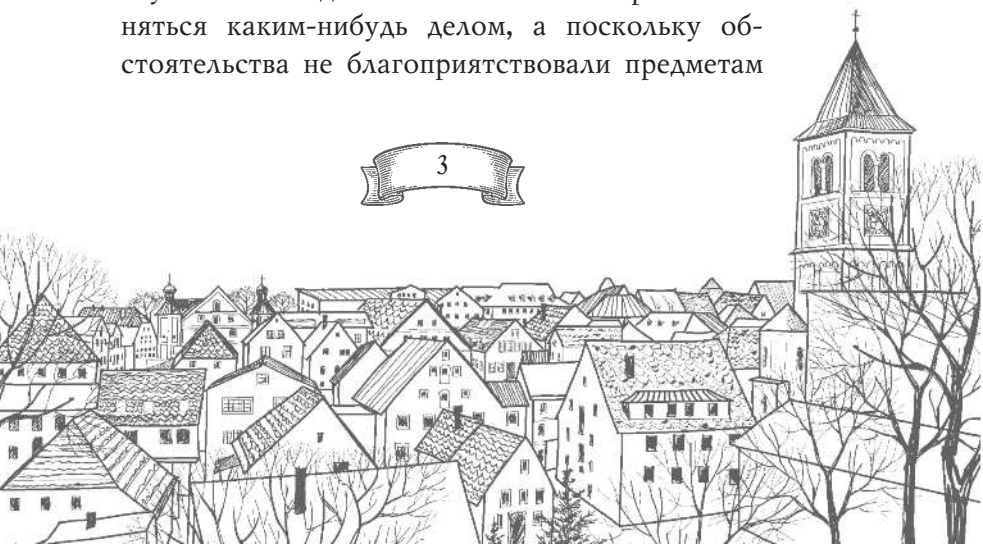
ISBN 978-5-17-102788-9



## ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

*Эразм Роттердамский  
своему милому Томасу Морфу — привет.*

В недавние дни, возвращаясь из Италии в Англию и не желая, чтобы время, проводимое на лошади, расточалось в пустых разговорах, чуждых музам и литературе, я либо размышлял о совместных ученых занятиях, либо наслаждался мысленно, вспоминая о покинутых друзьях, столь же ученых, сколь любезных моему сердцу. Между ними и ты, милый Мор, являлся мне в числе первых: вдали от тебя я не менее наслаждался воспоминаниями, нежели, бывало, вблизи — общением с тобою, которое, клянусь, слаще всего, что мне случилось отведать в жизни. И вот я решил заняться каким-нибудь делом, а поскольку обстоятельства не благоприятствовали предметам





важным, то и задумал я сложить похвальное слово Глупости. «Что за Паллада внушила тебе эту мысль?» — спросишь ты. Прежде всего, навело меня на эту мысль родовое имя Мора, столь же близкое к слову мория, сколь сам ты далек от ее существа, ибо, по общему приговору, ты от нее всех дальше. Затем мне казалось, что эта игра ума моего тебе особенно должна прийтись по вкусу, потому что ты всегда любил шутки такого рода, иначе говоря — ученые и не лишённые соли (ежели только не заблуждаюсь я в оценке собственного моего творения), и вообще не прочь был поглядеть на человеческую жизнь глазами Демокрита. Хотя по исключительной прозорливости ума ты чрезвычайно далек от вкусов и воззрений грубой толпы, зато благодаря необыкновенной легкости и кротости нрава можешь и любишь, снисходя до общего уровня, играть роль самого обыкновенного человека. А значит, ты не только благо-

4





склонно примешь эту мою ораторскую безделку, эту памятку о твоём товарище, но и возьмешь ее под свою защиту; отныне, тебе посвященная, она уже не моя, а твоя.

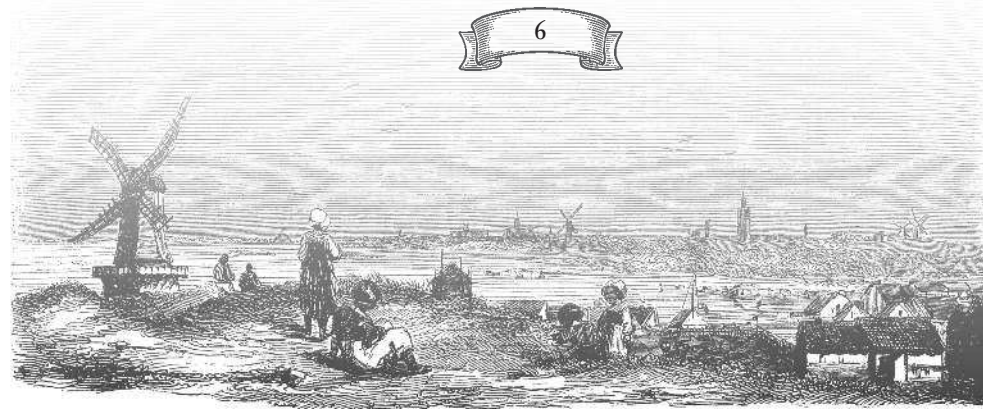
Найдутся, быть может, хулители, которые станут распространять клевету, будто легкие эти шутки не к лицу теологу и слишком язвительны для христианского смирения; быть может, даже обвинят меня в том, что я воскрешаю древнюю комедию или, по примеру Лукиана, подвергаю осмеянию всех и каждого. Но пусть те, кого возмущают легкость предмета и шутливость изложения, вспомнят, что я лишь последовал примеру многих великих писателей. Сколько веков тому назад Гомер воспел Батрахомиомахию, Марон — комара и чесночную закуску, Овидий — орех! Поликрат написал похвальное слово Бусириду, которое затем исправил Исократ,





Главк восхвалял неправосудие, Фаворин — Терсита и перемежающуюся лихорадку, Синесий — лысину. Лукиан — муху и блоху, Сенека сочинил шуточный апофеоз Клавдия, Плутарх — разговор Грилла с Улиссом, Лукиан и Апулей — похождения осла и уже не помню кто — завещание поросенка по имени Грунный Корокотта, о чем упоминает св. Иероним.

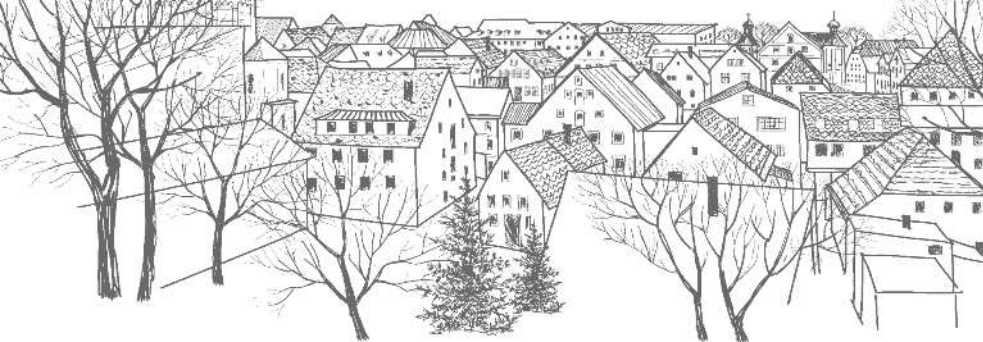
Если же всего этого мало, то пусть вообразят строгие мои судьи, что мне пришла охота поиграть в бирюльки или поехать верхом на длинной хворостине. В самом деле, разрешая игры людям всякого звания, справедливо ли отказывать в них ученому, тем более если он так трактует забавные предметы, что читатель, не вовсе бестолковый, извлечет отсюда более пользы, чем из иного педантского и напыщенного рассуждения? Вот один в терпеливо составленной



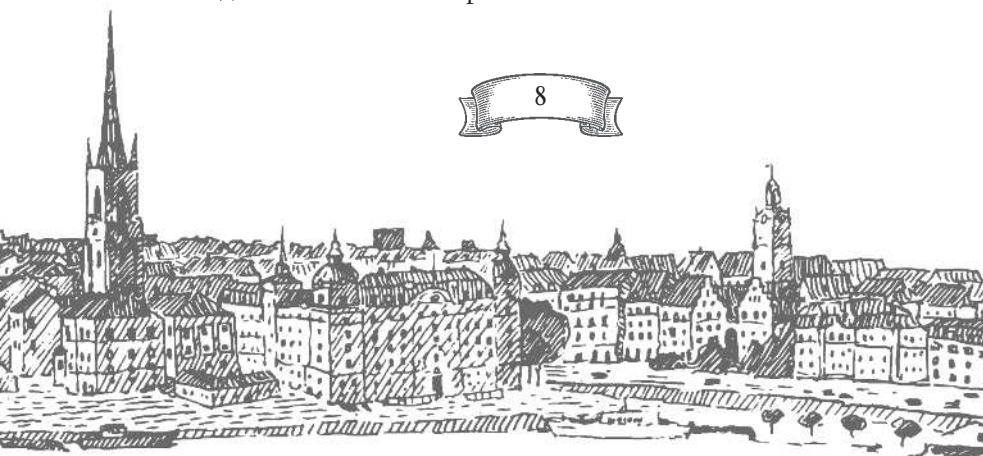


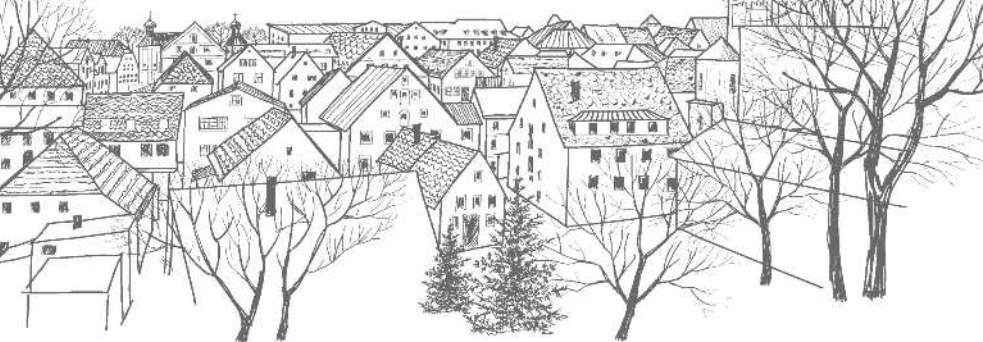
из разных кусков речи прославляет риторику и философию, вот другой слагает хвалы какому-нибудь государю, вот третий призывает к войне с турками. Иной предсказывает будущее, иной поднимает новые вопросы — один другого пустячней и ничтожней. Но ежели ничего нет нелепее, чем трактовать важные предметы на вздорный лад, то ничего нет забавнее, чем трактовать чушь таким манером, чтобы она отнюдь не казалась чушью. Конечно, пусть судят меня другие: однако коль скоро не вконец обольстила меня Филавтия, то сдается мне, что я восхвалял Глупость не совсем глупо. Что же касается пустого упрека в излишней резкости, то отвечу, что всегда дозволено было безнаказанно насмеяться над повседневной человеческой жизнью, лишь бы эта вольность не переходила в неистовство. Весьма дивлюсь я нежности современных ушей, которые, кажется, ничего





не выносят, кроме торжественных титулов. Немало также увидишь в наш век таких богомол, которые скорее стерпят тягчайшую хулу на Христа, нежели самую безобидную шутку насчет папы или государя, в особенности когда дело затрагивает интересы кармана. Но если кто судит жизнь человеческую, не называя имен, то почему, спрошу я, видеть здесь непременно язвительное издевательство, а не наставление, не увещание? А в противном случае сколь часто пришлось бы мне обращаться с укорами и порицаниями к самому себе! И, наконец, кто не щадит ни одного звания в роде людском, тот ясно показывает, что не против отдельных лиц, а только против пороков он ополчился. Итак, если кто теперь станет кричать, жалуясь на личную обиду, то лишь выдаст тем свой страх и нечистую совесть. Куда вольней и язвительней писал св. Иероним, не щадивший и имен порою! Я же не только избегал

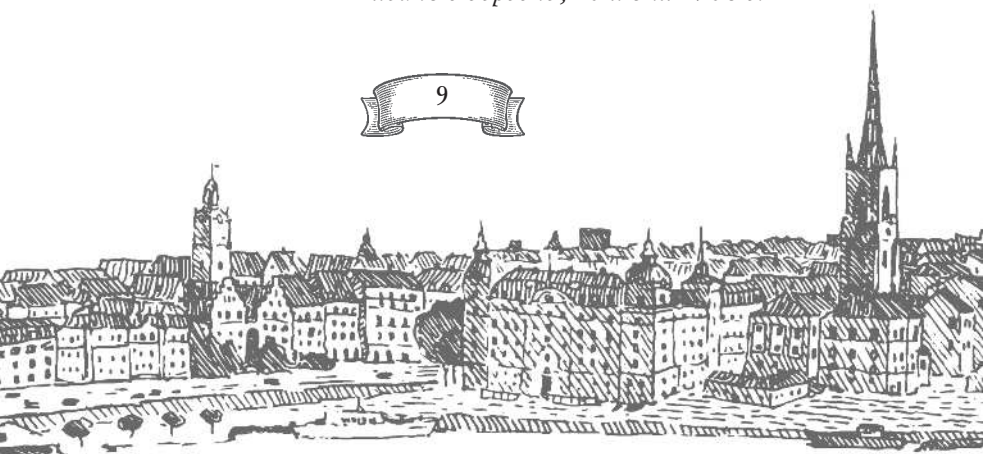
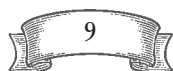




повсеместно имен собственных, но сверх того старался умерить всячески слог, дабы разумному читателю сразу же было понятно, что я стремлюсь скорее к смеху, нежели к злomu глумлению. Я не хотел по примеру Ювенала ворошить сточную яму тайных пороков и охотнее выставлял напоказ смешное, нежели гнусное.

Того, кто не удовлетворится всем сказанным, прошу вспомнить для утешения, что весьма почетно служить жертвою нападков Глупости, от лица которой я взял слово. Впрочем, стоит ли говорить все это такому искусному адвокату, как ты; и без того ты сумеешь отстоять наилучшим образом даже и не столь правое дело. Прощай же, мой красноречивейший Мор, и Морию твою защищай всеусердно.

*Писано в деревне, 10 июня 1508 г.*





MAGNI  
DES. ERASMI  
Roterodami  
VITA.  
*Accedunt*  
EPISTOLE ILLUSTRÉS.

LUGD. BATAVORUM,  
Ex officina IOANNIS MAIRE. 1642.



## A simple, clean banner with a slightly wavy, ribbon-like shape. The text "ГЛАВА I" is centered in a bold, sans-serif font.

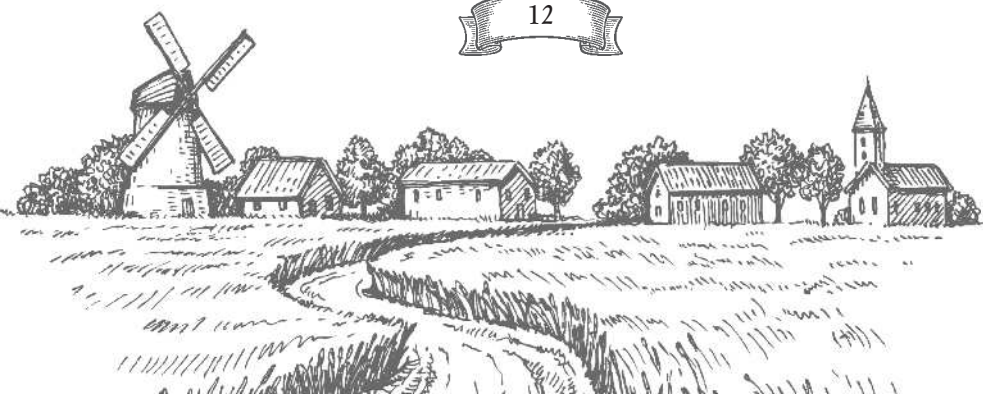
Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, — мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, — все же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство — перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многлюдном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех. При взгляде на вас кажется мне, будто я вижу богов Гомеровых, охмелевших от нектара, настоянного на непенте, а ведь





только что вы сидели печальные и озабоченные, словно воротились недавно из Трофониевой пещеры. Подобно тому как утреннее солнце, показывающее земле свой прекрасный золотой лик, или как ранняя весна, веющая приятными зефирами после суровой зимы, всему сообщают новый цвет и вид и новую юность, так и у вас при взгляде на меня совсем иными сделались лица. В то время как даже великие риторы лишь при помощи длинной, старательно обдуманной речи понуждают вас стряхнуть с души тяжелые заботы, я достигла этого сразу, единым моим появлением.

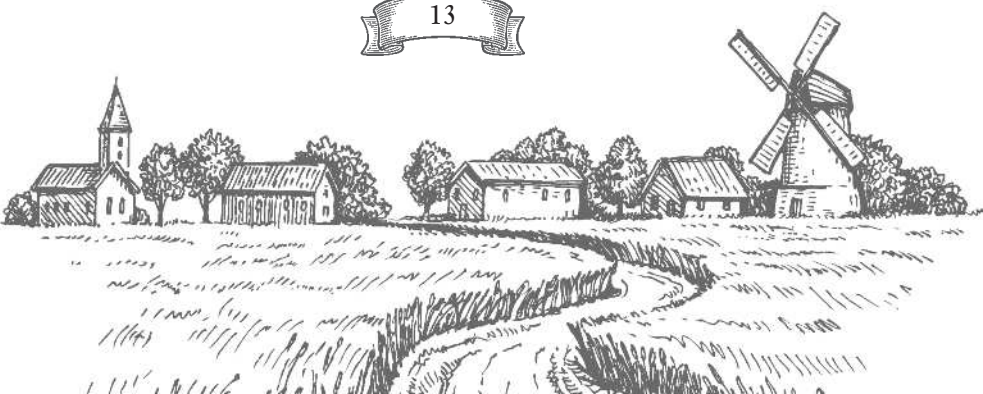
12





## ГЛАВА II

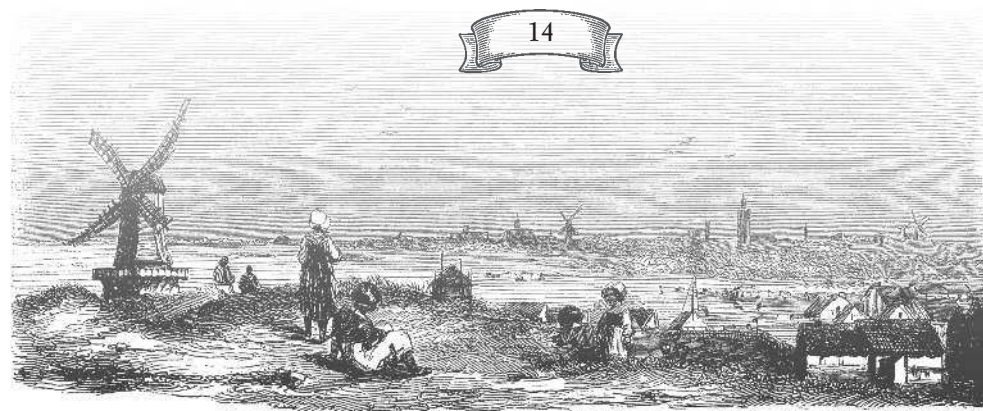
Чего ради выступаю я сегодня в несвойственном мне обличи, об этом вы узнаете, ежели будете слушать внимательно, — не так, как слушают церковных проповедников, но как внимают рыночным скоморохам, шутам и фиглярам или так, как наш друг Мидас слушал некогда Пана. Ибо захотелось мне появиться перед вами в роли софиста, но только — не одного из тех, которые ныне вколачивают в головы мальчишкам вредную чушь и научают их препираться с упорством, более чем бабьим. Нет, я хочу подражать тем древним грекам, которые, избегая позорной клички мудрецов, предпочли назваться софистами. Их тщанием слагались хвалы богам и великим людям. И вы тоже услышите сегодня похвальное слово, но не Гераклу и не Солону, а мне самой, иначе говоря — Глупости.





### ГЛАВА III

Воистину не забочусь я нисколько о тех любо-  
мудрах, которые провозглашают дерзновен-  
нейшим глупцом всякого, кто произносит хвалы  
самому себе. Ладно, пусть это будет глупо, если  
уж им так хочется, — лишь бы зазорно не было.  
Кому, однако, как не Глупости, больше подоба-  
ет явиться трубачом собственной славы и самой  
себе подыгрывать на флейте? Кто может лучше  
изобразить меня, нежели я сама? Разве что тот,  
кому я известна ближе, нежели себе самой!  
Сверх того, действуя таким образом, я почитаю  
себя скромнее большинства великих и мудрых  
мира сего. Удерживаемые ложным стыдом, они  
не решаются выступить сами, но вместо того на-  
нимают какого-нибудь продажного риторика  
или поэта-пустозвона, из чьих уст выслушивают





похвалу, иначе говоря — ложь несусветную. Наш смиренник распускает хвост, словно павлин, задирает хохол, а тем временем бесстыжий льстец приравнивает этого ничтожного человека к богам, выставляет его образцом всех доблестей, до которых тому, как до звезды небесной, далеко, наряжает ворону в павлиньи перья, старается выбелить эфиопа и из мухи делает слона. Наконец, я применяю на деле народную пословицу, гласящую:

«Сам выхваляйся, коли люди не хвалят».

Не знаю, чему удивиться — лени или неблагодарности смертных: хотя все они меня усердно чтут и охотно пользуются моими благодеяниями, никто, однако, в продолжение стольких веков не удосужился воздать в благодарственной речи похвалу Глупости, тогда как

